

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2021, №1, Том 9 / 2021, No 1, Vol 9 <https://mir-nauki.com/issue-1-2021.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/27PSMN121.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Шаталова Н.Е. Восприятие ситуаций эмоционального насилия респондентами с разным семейным статусом // Мир науки. Педагогика и психология, 2021 №1, <https://mir-nauki.com/PDF/27PSMN121.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Shatalova N.E. (2021). Perception of situations of emotional violence by respondents with different family status. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 1(9). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/27PSMN121.pdf> (in Russian)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-013-00011 А)

Шаталова Надежда Евгеньевна

ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», Москва, Россия

Ведущий специалист

E-mail: shatalova_n.e@mail.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=164780

Восприятие ситуаций эмоционального насилия респондентами с разным семейным статусом

Аннотация. Проблема эмоционального насилия, в настоящее время становится все более актуальной. Это объясняется тем, что оно присутствует во всех областях человеческой жизни. Наиболее часто жертвами эмоционального насилия становятся члены семьи, а также коллеги агрессора. Кроме того, в более молодом возрасте люди подвергаются оскорблениям и унижениям в учебных заведениях со стороны соучеников и преподавателей. Исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, проведено на выборке взрослых респондентов ($n = 46$) в возрасте от 28 до 68 лет, с разным семейным статусом: состоящих в браке, не состоящих в браке и разведенных. Были использованы методики: Опросник посттравматического стресса (PCL-5) в русскоязычной адаптации, опросник «Стиль поведения в конфликте» К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной и опросник «Виды агрессии» Л.Г. Почебут.

Выявлено, что интенсивность посттравматического стресса у жертв эмоционального насилия в разных подгруппах взаимосвязана с различными стилями поведения в конфликте. Так, наименее психотравмирующим оказывается эмоциональное насилие в отношении не состоящих в браке респондентов, склонных к соперничеству, а также для состоящих в браке, склонных к избеганию конфликтных ситуаций. Автором получены данные, показывающие, что нарушения когнитивно-эмоциональной сферы, повышенная возбудимость и высокий уровень посттравматического стресса диагностируются у склонных к проявлению эмоциональной агрессии респондентов, состоящих в браке, а у разведенных респондентов те же симптомы наиболее высоки при наличии высокой склонности к вербальной агрессии.

Ключевые слова: эмоциональное насилие; семейный статус; посттравматический стресс; стиль поведения в конфликте; агрессия

Проблема переживания трудной жизненной ситуации, в частности, эмоционального насилия, становится все более актуальной для современной науки. Исследования в данной области имеют важное значение как теоретическое, так и практическое [1; 2].

На протяжении жизни почти каждый человек становится свидетелем либо жертвой насилия. Как правило, под словом «насилие» подразумевают физические действия по отношению к жертве: побои, драки, причинение телесных повреждений. Однако, не менее разрушительным, а, порой даже более опасным для психики, является насилие «невидимое»: психологическое (эмоциональное). «Спокойствие – сильнее эмоций, молчание – громче крика, равнодушие – страшнее войны» (М. Лютер).

Психоэмоциональное насилие подразделяется на активное и пассивное [3] и может проявляться в различных формах: унижение, внушение чувства вины, игнорирование, оскорбление, постоянный контроль и т. п. Подобные ситуации носят постоянный характер, постепенно разрушая психику, усиливая чувство тревоги, приводя к депрессии, многочисленным расстройствам и, в некоторых случаях, к развитию посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [4–6]. Во многих случаях неоднократно повторяющееся физическое или сексуальное насилие сопровождается унижением, оскорблениями, угрозами, поэтому не всегда люди могут провести четкие границы между этими видами насилия. Более того, лишь небольшое число опрошенных – всего 6 % – понимают под насилием именно эмоциональное насилие [7]. Согласно другим источникам, большинство респондентов считает насилием угрозы, запугивание, запрет на учебу/работу, значительно меньше респондентов признает насилием проявление ревности [8]. Между тем, как показывают исследования, большинство респондентов отмечают высокий психотравмирующий характер пережитого ими эмоционального насилия [9].

Проблема эмоционального насилия присутствует во всех областях человеческого бытия и во всех возрастных периодах, начиная с детства и заканчивая преклонным возрастом. К сожалению, во многих семьях насилие становится привычным стереотипом поведения (10), члены семьи страдают от него значительно чаще, чем посторонние люди.

Нельзя не отметить, взаимосвязь между реакцией жертвы на проявление по отношению к ней эмоционального насилия и склонностью самой жертвы к агрессивному поведению. Так, исследование Быховец Ю.В., Казымовой Н.Н. показало, что высокий уровень посттравматического стресса диагностируется у респондентов, склонных к проявлению эмоциональной агрессии и самоагрессии [11].

Конфликты, как стратегия разрешения возникших противоречий, как правило, сопровождаются яркими негативными эмоциональными переживаниями [12; 13], в связи с чем можно предположить, что стиль поведения в конфликтной ситуации так или иначе связан с интенсивностью переживания эмоционального насилия.

Гипотеза: Переживание ситуаций эмоционального насилия различается у респондентов с разным социальным статусом.

Целью исследования стало изучение взаимосвязи переживания эмоционального насилия с личностными особенностями у людей с разным семейным положением.

Задачи исследования:

- определение типов эмоционального насилия в разных группах респондентов (не состоящих в браке, состоящих в браке, разведенных);
- анализ взаимосвязи интенсивности переживания эмоционального насилия с типом поведения в конфликтных ситуациях и агрессивностью.

В проведенном исследовании были использованы следующие **методики**:

1. PCL-5 (Posttraumatic Stress Disorder Checklist-5) – шкала симптомов посттравматического стресса. Шкала содержит 17 вопросов, оцениваемых по

шкале Ликерта. Перевод и апробация PCL-5 осуществлялась сотрудниками лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ИП РАН в 2016 году

2. Опросник К. Томаса «Стиль поведения в конфликте» (адаптация Гришиной Н.В.). Позволяет, кроме общей предрасположенности к конфликтному поведению, выявить также стили взаимодействия в конфликте (соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление).
3. Тест агрессивности (методика Л.Г. Почебут). С помощью теста возможно оценить агрессивное поведение личности, проявляющееся в форме вербальной, физической, предметной, эмоциональной агрессии и самоагрессии.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программы Statistica 10.0 с включением расчета описательной статистики, анализа групповых различий с применением U-критерия Манна-Уитни и корреляционного анализа.

Выборка

В исследовании приняли участие 46 респондентов ($N = 46$) в возрасте от 20 до 68 лет. Средний возраст 48,2 года. Большинство респондентов – женщины ($N = 32$), с высшим (9 чел.) и незаконченным высшим образованием (5 чел.). У 16 женщин образование среднее, не сообщили об уровне образования 2 чел.

Из 14 мужчин, принявших участие в исследовании ($N = 14$), высшее образование у 9 чел., незаконченное высшее у 1 чел. и среднее образование у 2 чел. Два респондента не указали уровень образования.

В данной работе не уточнялись такие данные, как стаж семейной жизни, наличие и количество детей. В последующих исследованиях предполагается как увеличение выборки, так и добавление указанных категорий данных для более полного изучения влияния ситуаций эмоционального насилия на разные группы респондентов.

Участие в исследовании проводилось в онлайн-формате. Все респонденты согласились принять участие добровольно.

Группы респондентов с высоким и низким уровнем стресса не имеют статистических различий по семейному статусу, из чего можно сделать заключение, что ситуации эмоционального насилия в равной степени переживают как состоящие в браке респонденты, так и не состоящие в браке (не создавшие семью и разведенные).

Таблица 1

Характеристика подгрупп

	Кол-во респондентов	Средний возраст	Пол		Образование		
			М	Ж	Среднее	Высшее	Нет данных
Подгруппа I	10	21,1	1	9	2	7	1
Подгруппа II	28	54,3	12	16	6	18	4
Подгруппа III	8	58,3	1	7	1	7	0

Составлено автором на основе собранных данных

В соответствии с задачами исследования выборка была разделена на три подгруппы: I – «Не состоящие в браке», II – «Состоящие в браке», III – «Разведенные».

В первую подгруппу вошли 10 человек, не состоящих в браке ($n = 10$) в возрасте от 20 до 24 лет ($M = 21,1$), во вторую – 28 человек ($n = 28$) в возрасте от 18 до 68 лет ($M = 54,3$), состоящих в браке, в том числе, в гражданском. Третья подгруппа – 8 человек ($n = 8$), 48–63 лет

($M = 58,3$), находящихся в разводе. Более подробная информация о подгруппах представлена в таблице 1.

Результаты

Попарное сравнение подгрупп не выявило значимых различий по стилю поведения в конфликтных ситуациях и формам агрессивного поведения. Подгруппа I отличается от Подгруппы II по степени выраженности негативных изменений в когнитивно-эмоциональной сфере и от подгруппы III по выраженности симптомов избегания. Отличия находятся в зоне неопределенности.

Подгруппа I достоверно отлична от подгрупп II и III по возрасту. Различия вполне закономерны и объяснимы, т. к. в возрасте 20–24 года большинство молодых людей продолжают обучение в высшем учебном заведении и, как правило, еще не создают свои семьи, либо только готовятся к вступлению в брак.

Для того, чтобы убедиться в отсутствии влияния возраста, дополнительно проанализирована взаимосвязь всех полученных данных с возрастом. Статистический анализ показал, что возраст положительно коррелирует лишь со стратегией избегания ($p = 0.761$, при $p \geq 0.05$). Таким образом, чем старше респондент, тем более он склонен к уходу от конфликтной ситуации, не стремясь ни к кооперации с агрессором, ни к достижению собственных целей любой ценой.

Анализ ответов на вопрос о пережитом эмоциональном насилии показал, что не все респонденты, указывали именно такого рода событие. Часть респондентов назвали события, которые, несмотря на их принадлежность к стрессорам высокой интенсивности, не относятся к ситуациям эмоционального насилия (смерть супруга, увольнение с работы). Рассмотрим подробнее.

В подгруппе I большинство респондентов, указали события эмоционального насилия, происходящие в учебном заведении (в школе, ВУЗе, учреждении дополнительного образования). Три человека не уточнили, где именно происходили указанные события. Один из респондентов уточнил, что подвергался эмоциональному насилию в течение нескольких месяцев.

В подгруппе II у пятерых человек эмоциональное насилие происходило в семье, у трех человек – на работе. Два человека по тем или иным причинам не стали уточнять подробности пережитого эмоционального насилия. Интересно отметить, что только в данной подгруппе более половины респондентов указали иные травматические события (смерть родных, увольнение и др.).

В подгруппе III шесть респондентов подверглись эмоциональному насилию в семье, один – на работе и один респондент не уточнил, где именно (см. рисунок 1).

Таким образом, данные, полученные с помощью опросника PCL-5, показали, что основная часть респондентов сталкивалась с проявлением эмоционального насилия в семье, со стороны супругов, родителей и, в меньшей степени со стороны других родственников (невестка, дочь) и в учебном заведении. Три человека сообщили, что стали жертвой эмоционального насилия со стороны преподавателей (пренебрежительное, грубое отношение). Респондентами были названы: словесные оскорбления, обесценивание действий и интересов, игнорирование друзьями или коллегами.

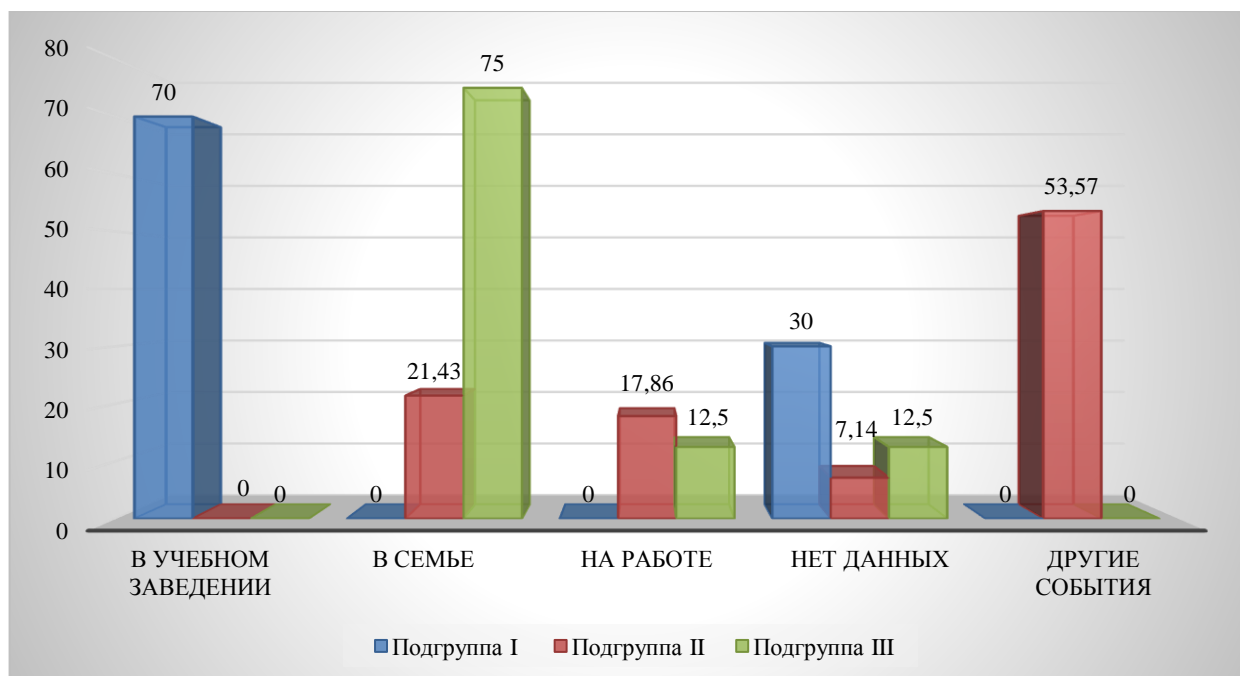

Рисунок 1. Переживание эмоционального насилия (в %) в разных подгруппах (составлено автором на основе собранных данных)

Далее была проанализирована взаимосвязь переживания эмоционального насилия с типом поведения в конфликте.

Статистический анализ показал, что у респондентов, не состоящих в браке, такой тип поведения в конфликтных ситуациях, как соперничество, отрицательно коррелирует с общим уровнем стресса, выраженностью симптомов вторжения и нарушений в когнитивно-эмоциональной сфере. Использование стратегии приспособления к ситуации взаимосвязано с общим уровнем стресса, симптомами вторжения и избегания (табл. 2).

Таблица 2
Взаимосвязь уровня стресса со стилем взаимодействия в конфликте. Подгруппа I

PCL-5	Стиль поведения в конфликте				
	Соперничество	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление
Симптомы вторжения	-0.642**	0.591	-0.142	-0.53	0.724**
Симптомы избегания	-0.539	0.494	-0.127	-0.591	0.721**
Нарушения когнитивно-эмоциональной сферы	-0.676**	0.442	-0.061	-0.276	0.818*
Симптомы повышенной возбудимости	-0.43	0.145	-0.167	0.103	0.609
Общий уровень стресса	-0.691**	0.5	-0.118	-0.473	0.882*

* при $p \geq 0.01$; ** при $p \geq 0.05$ (составлено автором на основе собранных данных)

Подгруппа II, состоящая из респондентов, состоящих в браке, была разделена на две группы: переживших эмоциональное насилие, и переживших психотравмирующие события иного рода. В результате корреляционного анализа выявлено, что наибольший стресс при переживании эмоционального насилия, включая все симптомы стресса кроме симптомов вторжения, испытывают респонденты, склонные к сотрудничеству. Кроме того, тенденция к избеганию конфликтной ситуации отрицательно коррелирует с общим уровнем стресса.

У респондентов, переживших иные психотравмирующие ситуации, не связанные с эмоциональным насилием, не обнаружены значимые взаимосвязи между типом поведения в конфликте и уровнем стресса (табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь уровня стресса со стилем взаимодействия в конфликте. Подгруппа II (случаи ЭН / другие случаи)

PCL-5	Стиль поведения в конфликте				
	Соперничество	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление
Симптомы вторжения	0.037/ -0.134	0.43/ 0.077	-0.001/ -0.054	-0.382/ -0.072	0.058/ 0.01
Симптомы избегания	-0.172/ -0.009	0.812*/ 0.217	-0.092/ 0.016	-0.257/ -0.04	0.209/ -0.108
Нарушения когнитивно-эмоциональной сферы	0.087/ 0.327	0.691**/ 0.129	-0.093/ -0.114	-0.534/ 0.182	0/ -0.462
Симптомы повышенной возбудимости	-0.044/ -0.079	0.826*/ 0.079	-0.122/ 0.153	-0.475/ 0.073	0.109/ -0.093
Общий уровень стресса	0.036/ -0.04	0.769*/ 0.103	-0.111/ 0.035	-0.565**/ 0.201	0.025/ -0.221

* при $p \geq 0.01$; ** при $p \geq 0.05$ (составлено автором на основе собранных данных)

В подгруппе III значимых корреляций между стилем поведения в конфликте и уровнем стресса не выявлено.

Далее была подсчитана ранговая корреляция между формами агрессивного поведения и степенью выраженности посттравматического стресса и его отдельными симптомами. Взаимосвязь между агрессивным поведением и уровнем стресса в подгруппе I не выявлена.

Таблица 4

Взаимосвязь уровня стресса с агрессией. Подгруппа II (случаи ЭН/другие случаи)

PCL-5	Агрессивность (методика Почебут)				
	Вербальная агрессия	Физическая агрессия	Предметная агрессия	Эмоциональная агрессия	Самоагрессия
Симптомы вторжения	-0.225/ 0.051	0.07/ 0.219	0.014/ 0.167	0.515/ -0.249	0.367/ 0.027
Симптомы избегания	-0.357/ 0.324	0.095/ 0.458	-0.136/ 0.2	0.525/ -0.358	0.376/ -0.069
Нарушения когнитивно-эмоциональной сферы	-0.065/ 0.194	0.269/ -0.284	0.103/ 0.346	0.677**/ 0.506	0.496/ 0.044
Симптомы повышенной возбудимости	-0.194/ -0.076	0.103/ -0.247	-0.038/ 0.338	0.563**/ 0.122	0.192/ 0.449
Общий уровень стресса	-0.139/ 0.128	0.223/ -0.086	0.01/ 0.323	0.599**/ 0.105	0.415/ 0.078

* при $p \geq 0.01$; ** при $p \geq 0.05$ (составлено автором на основе собранных данных)

В подгруппе II обнаружены следующие закономерности (табл. 4). У респондентов – жертв эмоционального насилия, склонность к проявлениям эмоциональной агрессии положительно коррелирует с уровнем посттравматического стресса, причем наиболее выражены у них симптомы вторжения и изменения в когнитивно-эмоциональной сфере. У респондентов, переживших тяжелые жизненные ситуации иного рода, корреляционные связи не выявлены.

В данной подгруппе эмоциональная агрессия значимо взаимосвязана с таким стилем поведения в конфликте, как сотрудничество ($r_s = 0.566$, при $p \leq 0,05$).

В подгруппе III, согласно результатам корреляционного анализа, чем выше у респондентов склонность к проявлениям вербальной агрессии, тем более выражены нарушения когнитивно-эмоциональной сферы, симптомы повышенной возбудимости, а также они переживают более интенсивный стресс (табл. 5).

Таблица 5

Взаимосвязь уровня стресса с агрессией. Подгруппа III

PCL-5	Агрессивность (методика Почебут)				
	Вербальная агрессия	Физическая агрессия	Предметная агрессия	Эмоциональная агрессия	Самоагрессия
Симптомы вторжения	0.631	0.083	0.47	0.274	0.345
Симптомы избегания	-0.03	0.119	-0.19	0.185	0.399
Нарушения когнитивно-эмоциональной сферы	0.887**	0.452	0.571	0.482	0.351
Симптомы повышенной возбудимости	0.923*	0.524	0.643	0.661	0.661
Общий уровень стресса	0.935*	0.488	0.595	0.518	0.458

* при $p \geq 0.01$; ** при $p \geq 0.05$ (составлено автором на основе собранных данных)

Обсуждение результатов

Не состоящие в браке молодые люди, стремящиеся в межличностных конфликтах к удовлетворению собственных интересов в ущерб оппоненту, реже страдают от нарушений в когнитивно-эмоциональной сфере, у них реже диагностируются симптомы вторжения и, соответственно, общий уровень стресса оказывается меньше, чем у респондентов, для которых характерны другие стратегии поведения в конфликте. Таким образом, соперничество – стиль малоэффективный в плане разрешения конфликта – тем не менее, в ситуации эмоционального насилия оказывается достаточно эффективным для совладания со стрессом. Можно предположить, что, придерживаясь стратегии соперничества, молодые люди, активно добиваются права на уважительное к себе отношение и, таким образом, меньше страдают от симптомов посттравматического стресса.

Респонденты с преобладающей тенденцией решать конфликты, принося в жертву свои интересы, т. е. с прямо противоположным вышеуказанному типу поведения, испытывают больший посттравматический стресс, у них чаще диагностируются симптомы вторжения и избегания. Очевидно, что, если говорить о конфликте, то ситуация, является менее травматичной для того, чьи интересы не пострадали, либо пострадали в наименьшей степени. Человек, жертвующий своими интересами, уступающий оппоненту право «стать победителем», стремясь избежать воспоминаний о произошедшем, тем не менее, впоследствии возвращается к ситуации, заново проигрывая ее и, соответственно, вновь и вновь переживая свое поражение. Уровень стресса тем выше, чем больше человек поступает своими интересами. Если обратиться к ситуациям эмоционального насилия, то можно предположить, что респонденты, предпринимающие попытки приспособиться к ситуации, не достигают желаемого результата, так как агрессор, чувствует свою безнаказанность, а это, в свою очередь, провоцирует новую агрессию.

Иная картина представлена в подгруппе респондентов, состоящих в браке. Наиболее остро переживают эмоциональное насилие те, кто выбирает стратегию сотрудничества. С одной стороны, сотрудничество относится к наиболее эффективным способам урегулирования межличностных конфликтов. С другой стороны, в случаях унижения, оскорбления и т. п., исходящих от партнера, сотрудничество не может гарантировать полное их прекращение. И, когда ситуации повторяются – а в семье, к сожалению, это не редкость – жертва насилия переживает сильный стресс, который сопровождается стремлением избежать тягостных воспоминаний, повышенной возбудимостью, нарушениями памяти, внимания, эмоциональными расстройствами.

Стратегия избегания в конфликте практически не затрагивает эмоциональную сферу: жертва насилия дистанцируется от агрессора, они как бы находятся в параллельных реальностях. В связи с этим, чем больше у жертвы выражено стремление избежать конфронтации в отношениях, тем менее интенсивный стресс она испытывает.

Отсутствие у респондентов, не переживавших ситуации эмоционального насилия, значимых взаимосвязей между типом поведения в межличностном конфликте и уровнем стресса, можно объяснить следующим образом. Такие тяжелые жизненные ситуации, как смерть близких, потеря работы и т. п. не являются конфликтными сами по себе, поэтому стиль поведения в конфликте никак не связан с переживанием такого типа ситуаций.

Высокая склонность к проявлениям эмоциональной агрессии у состоящих в браке респондентов, может свидетельствовать о том, что повторяющиеся эпизоды эмоционального насилия со стороны партнера, приводят к эмоциональному отчуждению при общении с ним. Действия партнера порождают неприязненное, недоброжелательное отношение к нему. То же касается и коллег по работе.

Респонденты, чьи супружеские отношения завершены, тем больше страдают от нарушений когнитивно-эмоциональной сферы, симптомов повышенной возбудимости, чем больше выражена их склонность к вербальной агрессии. Можно предположить, что словесные оскорбления, высказывания, показывающие негативное отношение к человеку, являются защитными, то есть представляют собой нормальную реакцию на ситуацию эмоционального насилия [14]. С другой стороны, в течение длительного времени переживая ситуации эмоционального насилия (со стороны бывшего партнера или коллег), респонденты могли в итоге, также вести себя агрессивно.

Говоря о связи агрессии с переживанием стресса в результате психоэмоционального насилия, нельзя также полностью исключить фактор провокации, когда люди проявляют агрессию, в случае их оскорбления, отвержения, препятствия достижению их целей [14].

Выводы

Люди с разным семейным положением, реагируют на ситуации эмоционального насилия, по-разному, в зависимости от модели поведения в конфликте и склонности к агрессии. Так, наименее стрессогенным, оказывается эмоциональное насилие для не состоящих в браке респондентов, склонных к соперничеству и для состоящих в браке респондентов, склонных к избеганию.

Нарушения когнитивно-эмоциональной сферы, повышенная возбудимость и высокий уровень стресса диагностируются у респондентов, состоящих в браке, избравших в качестве модели поведения в конфликте сотрудничество и склонных к проявлению эмоциональной агрессии. У разведенных респондентов те же симптомы наиболее высоки при склонности к вербальной агрессии.

Полученные данные могут быть использованы в психолого-педагогической практике, в практике семейного консультирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорохов С.В. Методологические подходы к изучению переживания как психологической категории в российской психологии // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2018. – Т. 18. №5. – С. 139–142.

2. Ясько Б.А. Психология переживания стресса // Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы. – Казань. 2018. – С. 616–619.
3. Бузина А.А. ИмPLICITные представления об эмоциональном оскорблении и эмоциональном насилии и их дифференциация // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. №1. С. 69–73.
4. Казымова Н.Н., Быховец Ю.В., Дымова Е.Н. Психотравмирующие последствия переживания эмоционального насилия женщинами раннего взрослого возраста // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. №4. С. 78–84.
5. Tafet G.E., Nemeroff C.B. The links between stress and depression: psychoneuroendocrinological, genetic, and environmental interactions // Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences. 2016. Vol. 28. №2. Pp. 77–88.
6. Goldsmith R.E., Freyd J.J. Effects of emotional abuse in family and work environments. Awareness for Emotional Abuse // Journal of Emotional Abuse. – 2005. – V. 5. – №1. – Pp. 95–123.
7. Шавшаева М.В., Шавшаева Л.В. Исследование понимания феномена «насилия» и особенностей эмоционально-личностной сферы женщин, переживших насилие / Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. 2014. №1. С. 165–172.
8. Ершова О.А., Иванова М.И. Анализ агрессивного поведения в контексте проблемы семейного насилия // Инженерный вестник Дона. 2018. №2 (49). С. 80.
9. Дымова Е.Н., Шаталова Н.Е. Эмоциональное насилие как психотравмирующее событие в жизни молодых девушек // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №2, <https://mir-nauki.com/PDF/46PSMN220.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
10. Коченова М.В. Домашнее насилие как социально-психологический феномен / Домашнее насилие: предупреждение и ответственность. Томск. 2019. С. 46–50.
11. Быховец Ю.В., Казымова Н.Н. Опыт эмоционального насилия и особенности личностной сферы у людей раннего и среднего взрослого возраста // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №6, <https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN620.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
12. Ашанина Е.Н., Кубекова А.С. Стратегии поведения в конфликте // В сборнике: Психологическое и педагогическое сопровождение студентов вуза в современном социокультурном пространстве. Материалы научно-практической конференции с международным участием. Посвящается 100-летию образования «Астраханского государственного медицинского университета». 2018. С. 28–31.
13. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. – СПб.: Питер, 2013. – 512 с.
14. Падун М.А. Регуляция эмоций и насилие в романтических отношениях // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Том 4. №3 (15).

Shatalova Nadezhda Evgenievna

Institute of psychology Russian academy of sciences, Moscow, Russia

E-mail: shatalova_n.e@mail.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=164780

Perception of situations of emotional violence by respondents with different family status

Abstract. The problem of emotional violence is now becoming more and more urgent. This is because it is present in all areas of human life. The most common victims of emotional abuse are family members, as well as colleagues of the aggressor. In addition, at a younger age, people are subjected to insults and humiliation in educational institutions by fellow students and teachers. The study, the results of which are presented in this article, was conducted on a sample of adult respondents ($n = 46$) aged 28 to 60 years, with different marital status: married, unmarried and divorced. The following methods were used: the Post-traumatic Stress Questionnaire (PCL-5) in the Russian-language adaptation, the questionnaire "Style of behavior in conflict" by K. Thomas in the adaptation by N.V. Grishina, and the questionnaire "Types of aggression" by L.G. Pochebut.

It was revealed that the intensity of post-traumatic stress in victims of emotional violence in different subgroups is interrelated with different styles of behavior in conflict. Thus, emotional violence is the least traumatic for unmarried respondents who are prone to rivalry, as well as for married respondents who are prone to avoiding conflict situations. The author obtained data showing that disorders of the cognitive-emotional sphere, increased excitability and a high level of post-traumatic stress are diagnosed in married respondents who are prone to emotional aggression, and in divorced respondents, the same symptoms are highest in the presence of a high tendency to verbal aggression.

Keywords: emotional abuse; family status; post-traumatic stress; conflict behavior; aggression